

УДК 82.09.801.7
ББК 83.3 (2Рос=Рус) 1–8
Пушкин А.С.

И.А. Балашова

**ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИКИ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ
А.С. ПУШКИНА
(О ТРАДИЦИЯХ ИСКУССТВА
БАРОККО У РУССКИХ
РОМАНТИКОВ)**

В статье осмыслена необходимость изучения традиций русского и европейского Барокко у романтиков, и прежде всего А.С. Пушкина, выявившего существенные свойства русского Романтизма с его образом творческой личности, способной преодолеть кризисы и создать совершенные художественные творения, где прекрасное предстаёт проявлением божественного. Обращение к проблеме позволило уточнить вопрос о жанре поэмы «Руслан и Людмила» и трактовки сюжетных коллизий повести «Капитанская дочка».

Ключевые слова: *традиция, русское Барокко, Романтизм, лирический герой, лиро-эпос, кризисность, религиозность, эстетика А.С. Пушкина.*

Балашова Ирина Александровна — докт. филол. наук, профессор кафедры истории русской литературы Южного федерального университета
Тел.: (863) 293-00-47
e-mail:birirn5@mail.ru

© И.А. Балашова, 2009 г.

Наступление новой литературной эпохи нередко воспринимается как переосмысление достижений предшествующей, сопровождающееся отказом от многих из них. Очевидно, этим можно объяснить название С.С. Аверинцевым Нового времени периодом посттрадиционного искусства [Аверинцев, 1981, с. 3].

После Средних веков переписывание древних манускриптов, действительно, отошло в прошлое, но традиции, а нередко и канон (например, жанровый) остались для художников живым источником их творений. Однако изучение традиционного затруднено, поскольку характерный для современных научных работ позитивизм не позволяет увидеть в сохранении традиций и в избирательности авторов по отношению к ним закономерности более общего характера, свойственные искусству той или иной эпохи.

Недостаточная изученность Романтизма, этой последней из известных в истории искусства эпохи, неосознанность его основных свойств все более очевидны. Ждет осмысления и характер наследуемых и развиваемых его авторами традиций, усвоение которых непосредственно связано с поэтическим своеобразием произведений романтиков и, в том числе, Пушкина как поэта, творчество которого наиболее полно представляет особенности искусства новой эпохи. Причиной такого положения дел является следующее. В работах последних

лет все более отчетлива тенденция восприятия произведения Романтизма как творения некоего неоклассицизма. Потому в них обнаруживают смысл, абстрактную архетипичность, мотивные компоненты, жанровую или стилистическую доминанту. Такой подход не позволяет осмыслить творения романтиков в их эстетической выразительности, в их национальном своеобразии. Несомненно, однако, что инструментарий, применимый к анализу литературы эпохи Просвещения, не пригоден там, где разум (в том числе и исследовательский) не может быть абсолютизирован.

Необходимость учитывать художественное начало литературы Романтизма, с одной стороны, затрудняет ее научное осмысление, а с другой — раскрывает перспективы ее постижения на основе тех принципов, которые разработаны в искусствознании. Требуется лишь воспринять литературу как вид искусства, а не как совокупности содержательных, понятийных, идеологических постулатов.

Изучение творчества Пушкина привело нас к размышлениям о причине необычной множественности традиций, актуальных для него как поэта, писателя и графика. Обилие цитат, известных образов и персонажей, характерных приемов позволяет увидеть, что поэт использовал так называемые готовые формулы. Но это уже было известно истории искусства. Так с предшествующими текстами обращались авторы Барокко, возвратившие отчасти и средневековые приемы их воспроизводства.

Однако уяснена ли роль традиций Барокко в творчестве Пушкина и русских романтиков его времени? Постановка этого вопроса привела нас к ряду важнейших наблюдений и выводов.

Прежде всего, отметим, что множественность традиций в творчестве поэта существенна, поскольку выявляет особенности пушкинской поэтики и эстетики. Воспринимаемые в их совокупности, характерные для поэта и писателя сюжеты, образы, художественные приемы и эстетические принципы, отмечавшиеся Б.В. Томашевским, В.М. Жирмунским, А.Л. Слонимским, Д.Д. Благой, С.М. Бонди, В.В. Виноградовым, и другими исследователями¹, такие как кризисность ситуаций и ее преодоление обретением художественной гармонии, противоречивость характеров героев, антитеза, фантастика, гротеск, укрупнение детали, открытая, кольцевая и зеркальная композиции, трансформация жанров, синтез жанровых и родовых форм, динамика действия и повествования, живописность, пластичность, зримость образов, вни-

¹ *Томашевский Б.В.* Пушкин и Франция. М., 1961; *Жирмунский В.М.* Пушкин и Байрон: Из истории романтической поэмы. Л., 1924; *Слонимский А.Л.* Мастерство Пушкина, М., 1959; *Благой Д.Д.* Мастерство Пушкина М., 1955; *Благой Д.Д.* Творческий путь Пушкина (1826–1830). М., 1967; *Бонди С.М.* О Пушкине: Статьи и исследования. М., 1978; *Виноградов В.В.* Стиль Пушкина. М., 1941.

мание к природе, ирония и сатира, пастишь, использование риторики, фольклорных сюжетов, образов и античной, и библейской мифологии, привлечение приемов разных видов творчества, в частности графики, сочетание грустных и оптимистичных интонаций, а также (особенно в объемных сюжетах) склонность к необычным сравнениям, метафорам, словесным и образным каламбурам, восходящим к стилю Шекспира, наконец, энциклопедизм и частое использование готовых формул, творчески переосмысленных, — все это подтверждает наше предположение о повышенном значении традиций Барокко в произведениях Пушкина и в литературе русского Романтизма.

Искусство Барокко как во многом кризисное из-за социальной невостребованности идей гуманизма оказалось близко романтикам сосредоточенностью на эстетических проблемах. Важно и стремление к гармонии, которому в XVII–XVIII вв. соответствовали идея Паскаля о любви как высшем благе жизни и представление Лейбница о единстве мироздания [Аникст, 1966, с. 234, 235]. При всем отличии содержания также и этих эстетических принципов романтиков от установок искусства предшествующего времени [Промышляева, 2003, с. 363–367] историко-философская основа их сохранялась и в новую эпоху. Изучение эстетических взаимосвязей двух эпох тем более существенно, что оформление в русской литературе времени Барокко национальной системы стихосложения и возникновение в ней русской лирической поэзии предопределило явление русского поэтического гения.

Поскольку русский Романтизм основывался преимущественно на достижениях искусства исхода Возрождения, которым и было Барокко, то в 1810-х гг. он обретает художественную содержательность в духовно просветленной лирике Жуковского и в кризисной поэзии Батюшкова, в изящной песенной и идиллической поэзии Дельвига и в риторически насыщенном, богословски выверенном творчестве Хомякова-поэта, в элегически мелодичной лирике Баратынского и в изначально вполне изысканной дружеской и любовной лирике всех ранних романтиков, а также — в демонстрации условности творчества, его игрового характера поэтами «Арзамаса». Пушкин приобщен ко всем этим процессам, что подтверждается его творческими откликами на них.

Для поэта было важно и творческое усвоение традиций авторов европейского Барокко. Однако необходимо показать роль литературы русского Барокко в становлении Пушкина-романтика, а также выявить значение искусства этого этапа эпохи Возрождения, обновленные традиции которого, воспринятые поэтом в их значительном объеме и эстетическом своеобразии, во многом объясняют художественное совершенство пушкинского творчества.

Заметим, что сохраняющаяся по сегодняшний день необязательность восприятия и изучения эстетической составляющей лите-

ратурного произведения приводит к позитивистской констатации смены литературных направлений, якобы сопровождающейся сменой жанров, сюжетов, приемов. Это уводит науку о литературном произведении от предмета изучения. Художник В. Кандинский писал о хаотической исторической последовательности, а кроме того «искусство вечно» и в том смысле, что его художественное всегда одно и то же, и динамизм свойствен ему лишь потому, что необходимо «оживление» формы, достигаемое нередко простым возвращением к чему-то забытому. Характер «прогибания» той или иной художественной формы, ее истончения, вариаций, аспектов — вот то, что отличает факты искусства. Но каждый из них существует как следствие драмы или трагедии и стремления автора преодолеть ее достижением гармонии. Именно это было осознано в период Барокко и воспринято романтиками.

В настоящее время все острее ощущается необходимость вернуть полноту эстетических представлений о творчестве Пушкина. На наш взгляд, основанные на историко-литературных фактах замечания о роли Пушкина как художника, преодолевшего тенденции классицизма и сентиментализма с рационалистичностью и нормативностью первого и условной чувствительностью второго [Стенник, 1995], не способны определить действительный масштаб художественного творчества поэта и его роль в становлении национальной литературы и культуры. К тому же само это преодоление не абсолютно, поскольку Пушкин сохранял творческий интерес к достижениям Ломоносова, Державина, Карамзина и других авторов.

Новейшим наблюдениям о традициях русской литературы XVIII в. в произведениях Пушкина недостает эстетической составляющей, а это как раз общие Романтизму и Барокко эстетические принципы. В них видна та общность национальной литературы, которая проявилась в пушкинском творчестве. Далеко не только и не столько лексические, стилевые и сюжетные доминанты роднят творения поэта и авторов XVII–XVIII вв., им присуще сходное восприятие литературного творчества как средства преодоления кризиса, и не случайно, например, псалмы и другие тексты Священного писания, явились одним из источников их высокой образности. Да и литературное творчество возникло не в процессе секуляризации общества и словесности, но явилось следствием возвращения искони присущего поэту жреческого состояния. Кризис Церкви, переживаемый ею на исходе Средних веков, неизбежно порождал новые формы приобщения бытийности, и ими стали давно известные и живущие в фольклоре сказы, откровения, прорицания. Потому пушкинский лирический герой, как и герой Жуковского, Глинки, Хомякова и других романтиков, — это Поэт, волхв, жрец, Пророк. Именно они слышат глас Бога. А литература XIX в. —

это, во многом, развитие и совершенствование процессов, происходивших в русской словесности много ранее.

Осознавая необходимость уточнить вопрос о роли традиций позднего Барокко, обратимся, тем не менее, к практически не осмысленным в связи с творчеством Пушкина традициям русской литературы переходного времени, каким был XVII век. Если интерес поэта к более ранней древнерусской словесности поднимался в связи с его заметками об истории литературы, ранними поэмами и замыслами, вниманием к «Слову о Полку Игореве» [Фомичев, 1987, с. 20–40], то рассмотрение влияния русской литературы периода ее формирования не выходило за пределы констатации обращения Пушкина к народным книгам о Бове и Еруслане. В.Э. Вацуру, в продолжение идеи Проппа о нетождественности такой книги сказке, но и о связи их, видел в этом обращении осознание поэтом фольклорной типологии заимствованного сюжета о Бове [Пропп, 1984, с. 53-54; Вацуру, 2000, с. 219].

Обратимся к мнениям А.М. Панченко о том, что XVII в. богат писателями, что в этот период возникло представление о профессии писателя, появился и получил развитие жанр послания, а в произведениях виден энциклопедизм и историзм мышления пишущих, налицо динамизм повествования, вырастающего из деловой и церковной риторики, его исповедальность, патетичность, многостилевой характер, писателям свойственна плодовитость, развивается эстетика наслаждения при понимании условности, игрового характера творчества, сигналом которых является смех [Панченко, 1980, с. 291–408]. Почти все эти (в меньшей степени только — связи с деловым и риторическим писанием) особенности древней литературы вновь предстают в начале XIX в. Они отмечаются как новообразования, но на деле это не так. В новом веке они продолжали вполне оформившиеся в XVII и упрочившиеся позже тенденции. И древняя русская литература — то национальное богатство, которое было с особой полнотой воспринято Пушкиным в его эстетической содержательности.

В течение XVII в. в русской словесности произошли события, которые в творчестве Пушкина, причем в основном в период созревания его таланта, получили некое концентрированное выражение. Время русской Реформации породило то отпадение от Церкви, которое ни для кого из пишущих церковников, включая Симеона Полоцкого, Сильвестра Медведева, наконец, Аввакума, не было отпадением от Бога. Оно привело к сосредоточению, активизировавшему особые потенции личности. Потому при изучении традиции литературы XVIII в. в творчестве Пушкина необходимо видеть и ту ее основу, какой явилась словесность переходного времени.

Неучитывание этой основы сужает возможности исследований. Так, Ю.В. Стенник увидел изменение «принципа повествования» в ше-

стой песне поэмы «Руслан и Людмила», где, по его мнению, «на первый план выступает жанр торжественной оды» [Стенник, 1995, с. 109, 110]. Однако в этой песне, при наличии в ней одической стилистики и образности, в полном согласии с первыми песнями происходит сюжетное возвеличивание богатыря в его деяниях. Такое развитие сюжета видим и в являвшейся для Пушкина образцом «Повести о Еруслане Лазаревиче», в XVII в. усвоенной из восточных и западноевропейских источников и обогащенной национальными фольклорными элементами. Следуя и этой традиции, Пушкин называет Рогдая «Руси древний удалец», живописует оружие героев и поведение, внешность, стать их боевых коней. В его поэме, как и в древней повести, сильны элементы сказочности. Образ же пушкинского героя возвеличен по законам сказочного и былинного повествования, как это мы видим и в повести о Еруслане.

Представление об этой повести как об источнике поэмы Пушкина не ново, однако вопрос об использовании традиции как эстетически значимой затушеван, и без его прояснения не видна также одна особая канва повествования поэта. В раннем тексте Бог — участник событий и судеб героя, и это сохранено в вариациях сюжета, которые представлены в изданиях библиотеки Пушкина, вышедших в конце XVIII — первой трети XIX в. Конюх говорит Ивашке: «Наутриаж, бог даст, и я тебе все стадо пригоню...», а Зеленый царь спрашивает Еруслана: «чем божие дела переставиш?»; Еруслан напоминает Ивашке: «оба мы еще в божие руке...», и сказитель замечает о смерти Ивашки: «похвальбе его бог не пособил» [Повесть о Еруслане..., 1988, с. 303, 304, 306, 313, 316]. У Пушкина голова говорит Руслану о мече: «Ты храним судьбою, Возьми его, и бог с тобою!», в следующей песне видим обращение поэта к читателю: «Я каждый день, восстав от сна, Благодарю сердечно бога За то, что в наши времена Волшебников не так уж много»; позже он напоминает о сюжете Жуковского, где показан «божий гнев»¹.

Недостаточно конкретны в связи с невниманием к этому традиционному мотиву и замечания о следовании поэта мотивам повести XVII века «Бова Королевич». В русофицированном и фольклоризированном сказании Бова «помолился богу, и взял себе спаса на помощь и пречистую богородицу, и с Дружневною простился и пошел на дело ратное и смертное». Увезя Дружневну от Маркобруна, Бова говорит ей: «...молися богу. Бог с нами» [Повесть о Бове ..., 1988, с. 284, 293]. Герой совершает подвиги, которые обеспечивают существование его рода, семьи и

¹ Проясняя истоки своих сентенций, поэт напомнил о них в ироничном рассказе о спящей Людмиле и целомудренном Руслане: «Монах, который сохранил Потомству верное преданье о славном витязе моем, Нас уверяет смело в том: И верю я! Без разделенья Унылы, грубы наслажденья: Мы прямо счастливы вдвоем» (IV, 46, 47, 48, 60, 61).

потому также его государства. Однако то же происходит и с Русланом: он вяжет на шлем волосы бороды карлы и назван рыцарем и витязем, а его битва с печенегами — из тех свершений, которые находили отражение в фамильных гербах. Оттого замечание о «преданьях старины глубокой» обращает к истории рода, семьи и личности ее основателя. В многостилевом произведении молодого поэта волшебной сказке принадлежит особая роль, именно из нее, как это было и в литературе XVII в., а не из шутовой поэмы (в новом произведении интонационно она выявляет барочный принцип наслаждения прекрасным) вырастает пушкинское не лирическое, как считает Стенник [Стенник, 1995, с. 109], но именно лиро-эпическое повествование. И сказка предопределила барочную преисполненность поэмы «Руслан и Людмила» образами, мотивами, интонациями русского фольклора, что демонстрирует и вступление, которое было написано для второго издания поэмы.

Эти жанрово-стилевые особенности ранней поэмы показывают глубину усвоения Пушкиным традиций проникнутой религиозностью и обогащенной фольклорной образностью русской литературы XVII в. Соотносимость же его собственного стремительного творческого роста с энергией развития национальной словесности этого периода показывает действительный масштаб приобщения юного поэта к русской эстетической традиции.

Обратившись к пушкинской библиотеке, мы также видим, что поэт черпал сведения о тенденциях национальной эстетики не только из творений писателей XVIII в., но и из древней литературы. В составе его библиотеки сказки и произведения литературы XVII века. В.А. Кошелев напомнил об имевшихся у Пушкина двух, менее и более объемных, изданиях, в которые был включен текст сказки о Еруслане. Это «Дедушкины прогулки, содержащие в себе десять русских сказок» (СПб., 1791) и «Лекарство от задумчивости, или вторая часть настоящих русских сказок» (СПб., 1793)¹. Но эта сказка содержится и в «Собрании старинных русских сказок» (СПб., 1829).

В библиотеке сохранилось еще одно издание, подтверждающее устойчивый интерес поэта к традиции. Это книга «Бова Королевич», вышедшая в 1825 году. Поэму «Бова» Пушкин создавал в Лицее и неоднократно возвращался к ее сюжету². В состав пушкинских книг входят также «Древние российские стихотворения», 1818; «Старая погудка», 1795; «Собрание старинных русских сказок», 1829; «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие», 1758–1752 [Модзалевский, 1910]. Все эти издания

¹ Следы чтения второй ученый увидел в черновике поэмы «Мстислав» (1822). — Кошелев В.А. Первая книга Пушкина. Томск, 1997. С. 125–126.

² О длительном интересе Пушкина к повести о Бове, упоминаниях и ссылках на нее см.: Цявловский М.А. Статьи о Пушкине. М., 1962. С. 90–104; Вацуро В.Э. Пушкинская пора. С. 219.

заслуживают внимания и изучения. Необходимо, очевидно, осмыслить и обращение поэта к текстам священного писания, сравнив этот факт с процессами, происходившими в русской словесности XVII в.

Изучение традиций русской литературы переходного времени предполагает выявление конкретных соответствий произведений Пушкина традиционным текстам и осмысление восприятия их поэтом. Обратимся, например, к «Повести о Савве Грудцыне».

В основе повести — легенды, и в частности, «Чудо о прельщенном отроке», а также волшебная сказка. Панченко называет один из рудиментов сказки — «царскую тему» [Панченко, 1980, с. 343, 345]. Восприняв жанровые особенности повести и следуя ее мотивам, юный Пушкин в поэме «Монах» и в ряде стихотворений осмысливал не актуальную для нового, да и для XVIII вв. проблему преодоления соблазна и созревания человека в череде событий, связанных с воздействием беса. При обращении к теме вспоминают, как правило, только о Вольтере и о его якобы позитивном влиянии на Пушкина. Но в восприятии молодого поэта проблема выглядела иной. При всем увлечении Вольтером, также не случайном и не оставшимся без изменений, юный Пушкин, по сути, создал свой сюжет чуда о преодолевшем соблазны отроке, известного древним легендам и русской повести XVII в. Жанр послания в его ранней лирике связан с тем же мотивом становления личности, и перед нами узнаваемый барочный образ: пилигрим в лабиринте мира. Развитием темы стали дорожные мотивы зрелой лирики поэта. При ее осмыслении следует учесть и более древнюю национальную традицию житийной словесности [Фомичев, 1987, с. 31–32].

Отметим, что в связи с тенденциями, присущими русской поэзии, «благоуханно развившейся» [Белинский, 1948, с. 344] предстает в пушкинской поэзии и древняя русская лирика. Необходимо обсуждать вопрос и о значении для поэта традиции русской поэзии XVII в., который не ставился в исследовательской литературе. Более того, приведенные в воспоминаниях Пущина лицейские стихи, в которых Пушкин следовал лирикам XVII века, не вошли ни в одно Полное собрание сочинений поэта. Между тем со ссылкой только на свидетельство Пущина стихи: «И останешься с вопросом...» публикуются как пушкинские [Пушкин, 1999, с. 252, 741]. У нас же речь идет о строках, которые запомнил Пущин:

Блажен муж, иже
Сидит к каше ближе [Пущин, 1998, с. 74]¹

В этих стихах проявилась ирония, о которой Пушкин писал в 1825 году в связи с половицей: «Иже не ври же, его же не пригоже. Насмешка над книжным языком: видно и в старину острились насчет славяниз-

¹ Отметим, что остальные приведённые Пущиным стихотворения нашли подтверждение в других источниках.

мов» (VII, 365). Строки, приведенные Пуцциным, остаются не осмысленными как принадлежащие поэту двустрочные стихи.

Как восходящие к традиции двустрочных вирш XVII в. не восприняты и прибаутки Варлаама, героя драмы «Борис Годунов», повествующей о событиях начала XVII в. Пушкин ввел реплики и поговорки монаха в состав его прозаической речи, чем была усилена их инородность ей, как это происходило и в период начала разграничения двух видов повествований.

Варлаам балагурит: «Литва ли, Русь ли, что гудок, что гусли: нам все равно, было бы вино... да вот и оно!..»; «Что-то ты не подтягиваешь, да и не потягиваешь?»; «Выпьем же чарочку за шинкарочку...»; «...когда я пью, так трезвых не люблю; ино дело пьянство, а иное чванство». Образованный Отрепьев отвечает ему, вторя шуткам: «Пей да про себя разумеи, отец Варлаам! Видишь, и я порой складно говорить умею».

А слыша слова Варлаама: «Знать не нужна тебе водка, а нужна молодка; дело, брат, дело! у всякого свой обычай; а у нас с отцом Мисаилом одна заботушка: пьем до донушка, выпьем, поворотим и в донушко поколотим», — и монах Мисаил воспринимает их так, как это было свойственно человеку его времени, не привыкшему к рифме: «Складно сказано, отец Варлаам...» (V, 211, 212).

Через посредство литературы XVIII в., но из литературы XVII-го пришли к Пушкину прием соединения прозы и стиха, ощущение особой ценности рифмы, старославянизмы, гиперболизированные метафоры. Возможно, непосредственно воспринятой также и от авторов XVII в. является и «свирепая изобразительность». Таковы образы текущей «крови русской», о которой предупреждает Курбского Самозванец, «мальчиков кровавых в глазах» монолога Годунова, восходящих к образам хроник Шекспира, и воспринятых русским поэтом потому, что они органичны для повествования о времени русской Реформации. Таков и рассказ о голове Пугачева, которой он кивнул Гриневу и которая «через минуту, мертвая и окровавленная, показана была народу» (VI, 360). Эта изобразительность основана на древней антитезе, восходящей к категоричной противопоставленности святости и греха. В сравнении с резкими описаниями, например, протопопа Аввакума («...начальник ... и у руки отгрыз персты, яко пес, зубами. И егда наполнилась гортань его крови, тогда руку мою испустил из зубов своих...»; «Река мелкая, плоты тяжелые, приставы немилостивые, палки большие, батоги суковатые, кнуты острые, пытки жестокие — огонь да встряска...») [Житие протопопа Аввакума ..., 1927, с. 10, 26], Пушкин, как человек времени более гуманного, одновременно ослабляет грубость образа, но и возвращает его жестокость с помощью повторений основной реалии и ее определений, а при этом определения, как и у Аввакума, стоят в постпозиции, чем усилено их значение.

Сказочная же «царская тема» повести о Савве Грудцыне возвращается в светлом разрешении конфликта повести о капитанской дочке. В древней повести о храбрости Саввы, борющегося с бесом, царь узнает от «сродницы» жены хозяина дома, где живет герой, и, узнав о «юноше таковая», царь «милосердие свое изливает нань... повелевет посылать в дом сотника онаго... по два караулщика... благочестивый царь, посылает к болящему повседневною пищу...» [Повесть о Савве ..., 1947, с. 258]. В пушкинской повести Марья Ивановна встречает императрицу благодаря родственным связям жены смотрителя: «Жена смотрителя... объявила, что она племянница придворного истопника, посвятила ее во все таинства придворной жизни. Она рассказала, в котором часу государыня обыкновенно просыпалась, кушала кофей, прогуливалась...» Встреченная героиней повести дама обещает помощь: «...я бываю при дворе...» Марья Ивановна рассказала свою историю: «Дама слушала ее со вниманием. “Где вы остановились?” – спросила она потом; и услышав, что у Анны Власьевны, промолвила с улыбкою: “А! Знаю...”» По возвращении героини к Анне Власьевне происходит следующее: «вдруг придворная карета остановилась у крыльца, и камер-лакей вошел с объявлением, что государыня изволит к себе приглашать девицу Миронову». На аудиенции Маша услышала желанные слова: «...Дело ваше кончено. Я убеждена в невинности вашего жениха» (VI, 358, 259). Здесь царская особа с ее способностью к милосердию предстает не столько как историческое лицо, сколько как сказочный тип. На наш взгляд, указание на присутствующий в этой ситуации повести Пушкина мотив сказочного волшебства, весьма важно, как важно и то, что он традиционен и восходит к древней русской волшебной-бытовой «Повести о Савве Грудцыне»¹.

Восприимчивость к той же традиции характерна и для других писателей XIX в., актуализировавших пушкинские религиозные образы. В древней русской литературе, и опосредованной из-за внимания к ней Пушкина, истоки избыточной стилистики и темы бесовства Гоголя и Достоевского, а также религиозной тематики произведений Толстого.

Сохранение традиций русской литературы переходного времени, воспринимаемых непосредственно и через литературу века XVIII, было следствием создания романтиками искусства не в состоянии отпадения от Бога, но в обретении себя в нем и в стремлении к достижению гармонии также и в этом обретении.

¹ О сказочности повести писал Б.В. Шкловский (*Шкловский Б.В.* Гамбургский счет. М., 1990. С. 343–346), не сравнивая ее с древней литературной сказкой. Роль «Повести о Савве Грудцыне» при развитии темы бесовства в устном сюжете и повести «Пиковая дама» Пушкина показана Е.П. Званцевой. – *Званцева Е.П.* Об истоках сюжета А.С. Пушкина «Пиковая дама» // Болдинские чтения. Горький, 1983. С. 82–91.

Итак, восприятие традиций русской литературы XVII в. обнаруживается в важнейшем для личностного развития Пушкина обращении его к теме бесовства, в использовании им двустрочных стихов, в привлечении поэтом образов и коллизий народных книг о Бове Королевиче и Еруслане Лазоревиче, в применении сказочных мотивов «Повести о Савве Грудцыне» при создании повести «Капитанская дочка». Эти наблюдения позволяют расширить представления о привлечении поэтом и писателем традиций древней литературы и осмыслить обусловленные ими жанровые, образные и эстетические особенности пушкинских произведений.

Эстетическое совершенствование образов Пушкина происходило в процессе приобщения его к традиции национальной литературы, воспринимаемой в ее важнейшей содержательности. Особый интерес поэта к русской литературе XVII и XVIII вв. объясняется эстетической полнотой восприятия им традиций эпохи Барокко. Становление Пушкина как поэта – также вполне барочная тема, и наполнены авторскими пометами его рукописи, где в орнамент птицы вплетены инициалы, где он создает вариант собственного герба вследствие ощущения значительности своего поэтического труда. Барочны и болдинская плодовитость, и создание эстетически совершенных, композиционно, стилистически и образно богатых, нередко преисполненных иронии произведений, вызывающих при их восприятии чувство наслаждения.

Литература

1. *Аверинцев С.С.* Древнегреческая поэтика и мировая литература // Поэтика древнегреческой литературы. М., 1981.
2. *Аникст А.А.* Ренессанс, маньеризм и барокко в литературе и театре Западной Европы // Ренессанс. Барокко. Классицизм. М., 1966.
3. *Белинский В.Г.* Собр. соч. в 3 т. 1948. Т. 3. М.
4. *Вацуро В.Э.* «Сказка о Золотом петушке» (Опыт анализа сюжетной семантики) // Пушкинская пора. СПб., 2000.
5. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное // Памятники истории старообрядчества XVII в. Л., 1927.
6. *Модзалевский Б.Л.* Библиотека А.С. Пушкина. СПб., 1910.
7. *Панченко А.М.* Литература «переходного» века // История русской литературы в 4 т. Т. 1: Древнерусская литература. Литература XVIII века. Л., 1980.
8. Повесть о Бове Королевиче // Памятники литературы Древней Руси: XVII век. М., 1988.
9. Повесть о Еруслане Лазоревиче // Памятники литературы Древней Руси: XVII век. М., 1988.

-
10. Повесть о Савве Грудцыне // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 5., М.; Л., 1947.
  11. *Промышляева С.В.* Риторическая культура и индивидуальный стиль. К вопросу о соотношении принципов поэтики двух культурных эпох (на примере барокко и романтизма) // Русская литература в новом тысячелетии: материалы второй межвуз. конф. М., 2003. Т. 2.
  12. *Пропт В.Я.* Русская сказка. Л., 1984.
  13. *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. в 20 т. Т. 1. СПб., 1999.
  14. *Пуцин И.И.* Записки о Пушкине // Пушкин в воспоминаниях современников. СПб., 1998. Т.1.
  15. *Стенник Ю.В.* Пушкин и русская литература XVIII века. СПб., 1995.
  16. *Фомичев С.А.* Пушкин и древнерусская литература // Русская литература. 1987. №.1.